

Жорж Роденбах

Сумерки в приемной

Жорж Роденбах

Мистические лилии
(сборник)

*Часть сборника
Мистические лилии (сборник)*

Жорж Роденбах

Сумерки в приемной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22559797

Аннотация

«Часто в зимние вечера бегинки навещают друг друга под предлогом узнать о какой-нибудь службе или проповеди, посоветоваться насчет рисунка кружева, но на самом деле, чтобы вместе посидеть за небольшой любимой трапезой: они пьют кофе, едят тартинки из свежего хлеба, даже пирожки, а иногда случается, что к этому прибавляется маленький стаканчик вина, налитого из древнего кувшина, носящего на себе подлинный отпечаток голландского происхождения...»

Жорж Роденбах

Сумерки в приемной

Часто в зимние вечера бегинки навещают друг друга под предлогом узнать о какой-нибудь службе или проповеди, посоветоваться насчет рисунка кружева, но на самом деле, чтобы вместе посидеть за небольшой любимой трапезой: они пьют кофе, едят тартинки из свежего хлеба, даже пирожки, а иногда случается, что к этому прибавляется маленький стаканчик вина, налитого из древнего кувшина, носящего на себе подлинный отпечаток голландского происхождения.

Сестра Пульхерия любила больше всех принимать таким образом некоторых своих подруг по обители. Проходя мимо окон с кисейными занавесками ее маленькой кельи, можно было часто видеть в сумерки несколько черных силуэтов, сидевших возле слабенького огонька, на котором стоял горячий кофе. Снаружи казался даже странным этот слабенький, колеблющийся огонек, свет в форме сердца, точно это было сердце дома.

Приглашенные бегинки сидели долго, привлекаемые нежным теплом камина, угли которого временами вспыхивали, освещая во мраке их лица, спокойные, как на портретах.

От этого огня было довольно светло; не надо было зажигать лампы, они сидели до позднего часа в эти нежные сумерки, причем наступающий мрак влиял и на их слова.

Сестра Пульхерия, очень разговорчивая, пользовавшаяся репутацией хорошей рассказчицы, любившая, чтобы ее слушали, тоже поддавалась впечатлению мрака. Она была точно охвачена темнотою, и ее душа омрачалась. Окончились веселые истории, шалости пансионеров, смеющихся над какой-нибудь отсутствующей монахиней или над священником из общины. Вечер влил свой яд в нее и в других сестер, иногда еще беззаботных и смеявшихся. Среди них как бы расстилались траурные мысли, боязливые образы, креповые цветы.

Слова становились реже, каждая пауза между ними пугала, как пустота между ударами колокола. Сестра Пульхерия рассказывала теперь только о мрачных впечатлениях, предчувствиях, закрадывавшихся в ее душу перед каждым несчастьем, о подтверждении ее предчувствий, иногда даже снов.

Другие монахини в такие сумерки слушали, немного испуганные, ощущая приятный страх детей, которым рассказывают о путешествиях маленьких королей, потерявшихся в темном лесу...

Однажды в конце декабря было большое оживление за трапезой в келье сестры Пульхерии. Собралось много бегинок, так что пришлось взять лишние стулья и подлить кипятку в кофейник. Причиной этому послужило представление сестре Пульхерии двух послушниц, недавно поступивших в обитель. Несколько старых монахинь сопровождали их. Поэтому устроилось целое празднество с пирожками и масля-

НИСТЫМ ВИНОМ.

Сестра Пульхерия, очень польщенная этим приходом, в котором чувствовалось общее уважение к ней, вдохновленная этой исключительной и многочисленной аудиторией, начала снова, точно по четкам, свои обычные рассказы. Она навела разговор на суеверные мысли – одну из ее любимых тем, – на панический страх, приходящий с той стороны жизни, тревогу которого она любила возбуждать.

Она чувствовала как бы страсть создавать ужас, подобно тому, как дети играют с огнем. Все находившиеся там бегинки были охвачены ее суеверным страхом, даже усиливали его.

Сестра Мария рассказывала о своем всегда подтверждавшемся страхе встретить похоронное шествие, не имея возможности, как можно скорей прикоснуться к какому-нибудь железному или медному предмету, например, к ключам К счастью, у нее висит на груди небольшое медное распятие, до которого она скорее дотрагивается рукою, чтобы отдалить от себя дурную судьбу.

Сестра Корнелия напоминала, что увидеть утром паука – признак близкого огорчения. Это необыкновенное предупреждение никогда ее не обманывало. В такие зори, которые должны поблекнуть от дурной новости, чувствуется непонятное беспокойство. Точно надвигается гроза. Это напоминает сад в монастырской ограде перед грозой. Разве сад тоже имеет свои предчувствия? Листья на тополях трепещут,

и эта дрожь передается от одного к другому... Наша душа тоже кажется садом, который дрожит в такие утра. Она чувствует раньше нас катастрофу...

После слов сестры Корнелии все монахини желали вмешаться, рассказать свои чувства в области суеверных мыслей, указать какой-нибудь факт, подробности беспокойства, за которым последовало несчастное событие. Каждая бегинка, осмелившись, старалась присоединить, вставить свое доказательство, как лишнюю катушку в это черное кружево Страха, которое они сплетали все вместе в сумерки.

– А зеркала? – произнесла вдруг сестра Годелива своим чудным, точно фисгармония, голосом, который пел на клиросе в воскресенье, во время службы, – твердым, приятным, звучным, сливавшимся с фисгармонией настолько, что иногда, когда они чередовались, нельзя было различить, исполняла ли гимны фисгармония или женский голос... Сестра Годелива из-за ее исключительного голоса и ее мыслей, непохожих на мысли остальных монахинь, пользовалась уважением в общине. Она умела различать музыку. Она должна была уметь различать и судьбу!..

Поэтому, когда она прервала единодушную беседу, все замолчали.

– Зеркала внушают страх, – продолжала сестра Годелива. – Разбитое зеркало обозначает смерть, разрушение или еще худшие события. Когда я была еще ребенком, в доме моих родителей каждый раз, когда разбивалось зеркало, кто-

нибудь умирал через некоторое время. Это происходило оттого, что зеркала имеют душу, а когда разбивают их лишают таким образом души, изгоняют их душу, – то нужно, чтобы какая-нибудь душа этого дома явилась отплатою. Чего только нет в зеркалах! Когда разбивают их, можно найти тысячи отражений, образов в каждом обломке. Самый маленький кусочек зеркала полон всевозможных вещей.

Ничто не пропадает в них. Прежние, отразившиеся в них лица остаются. Мертвые находятся на глубине... Иногда и сам сатана живет в них.

Эти слова Годеливы, точно медленная мелодия, исполненная ее гармоническим голосом, произвели впечатление на всех монахинь. Долгое время, испуганные этою тайною вещей, которую они внезапно почувствовали почти физически, точно к ним прикоснулась судьба, они молчали, не смея двигаться на своих стульях, отведать хороший кофе, остывавший в их чашках...

Сестра Пульхерия воспользовалась молчанием, чтобы вмешаться в разговор. Она высказала мнение, что существуют более ясные, более частные предуведомления, чем пауки, похороны, зеркала. Более субъективное предзнаменование! У нее есть доказательство, – один эпизод из ее жизни, который она часто рассказывала, искусно усиливал ужас, внося волнение, которое много раз возобновлялось и все же было не менее искренно и заразительно.

Сестра Пульхерия начала свою излюбленную историю.

Это было давно... Ей исполнилось тогда пятнадцать лет, она была пансионеркою в урсулинском монастыре, в маленьком городке, находившемся недалеко от того города, где жили ее родители. Она проводила у них обыкновенно каникулы.

Однажды, в конце сентября, накануне ее возвращения и монастырь, ее отец повел ее в поле; он обещал ей провести с ней все послеобеденное время, гулять в поле и закончить прогулку ужином в кабачке предместья, где подавали ее любимую рыбу и вафли. Все подробности остались у нее к памяти, точно это было вчера. Чудный день! Ее отец был весел, нежен с ней.

Деревья осенью казались золотыми. Заход солнца был красив, совсем красный в глубине неба. Быстро темнело в эти короткие дни. Чтобы вернуться в город, они направились в небольшое селение, где проходила железная дорога, которая должна была привезти их через несколько минут.

Было темно. Она взяла отца под руку, уже достаточно высокая, чтобы не стараться подниматься к известной высоте.

Она гордилась, чувствуя себя почти маленькою женщиною. Вдруг, в конце пути, в темноте, они заметили небольшой, но живой, яркий, двигавшийся огонек. Затем показался другой. Она подумала сначала, что это – фонари кареты.

Но огоньки слишком расходились, тихо двигаясь. Затем вдруг показались еще огни, десятки огней, увеличивавшихся, двигавшихся отдельно, точно танец блуждающих огней

на далекой, вечером безмолвной воде.

Это было фантастично. Ее охватил невольный страх. Она крепче прижалась к руке отца. Они продолжали идти на встречу огням. Те теперь приближались. Это было точно шествие кающихся, от которых виднелись только свечи, так как их черные одежды, оттенка ночи, сливались с ней.

Эти огоньки, точно звезды, приводили к массе, темной, более мрачной, чем самая ночь, – которая быстро вырисовывалась. Это была деревенская церковь, стоявшая очень высоко над скоплением домов. Они поняли тогда, что эти огни были светильниками из процессии, в руках мальчиков из хора, прихожан, сопровождавших Св. Дары. Они ходили производить соборование, носили предсмертное причастие какому-то умирающему, исполнив по всем правилам этот обычай, всегда наблюдаемый в фламандских деревнях. Теперь процессия возвращалась в церковь, рассеиваясь по могилам, неровному, окружающему церковь кладбищу...

Это печальное появление было наверное предупреждением судьбы, признаком другого близкого предсмертного помазания! Сестра Пульхерия не обратила на это внимания, так как была очень молода. Она помнила только, что ее отец с этой минуты сделался молчаливым, задумчивым во все остальное время прогулки и вечера, пока она не рассталась с ним перед сном. Может быть, он понял и в эту минуту подумал о смерти, о своей смерти!..

Во всяком случае это была последняя прогулка, которую

они совершили вместе. Почти в последний раз тогда она видела его; спустя месяц он скончался, проболев два дня.

Она едва успела приехать вовремя, чтобы застать его умирающим на постели, совсем изменившимся, с неясным взором, смотревшим уже по ту сторону жизни...

Сестра Пульхерия закончила свой рассказ голосом, точно омоченным слезами. Несмотря на то, что она часто рассказывала об этом, и несмотря на такой долгий промежуток времени, она снова почувствовала детскую нежность, взволновалась от вызванного воспоминания, внимательного молчания монахинь, соответствия наступающего вечера, налагавшего точно черные покровы на ее слова.

Возле нее многие бегинки плакали, думая об отцах и матерях, которые тоже умерли.

Другие встали, под предлогом, что их ждут, быстро ушли, – в действительности, слишком взволнованные, чтобы оставаться дольше, боясь этих трагических историй, которые, разумеется, в ближайшую ночь вызовут кошмары, сны, где они увидят себя входящими в часовню и принужденными дотронуться до мертвеца, ледяной холод которого заставит их вскочить с постели.

После ухода некоторых монахинь разговор возобновился.

Одна бегинка, сестра Варнавия, не принадлежавшая к обычным посетительницам этой общины, пришедшая в этот день случайно, слушала в первый раз рассказ сестры Пульхерии и отнеслась немного недоверчиво. Розовая, полная, жиз-

нерадостная, она не почувствовала общего страха и спокойным голосом возразила:

– Вы, право, очень суеверны, сестра Пульхерия. Даже, если все это и правда, не думаете ли вы, что это скорее дело демона, который бродит вокруг нас и хочет нас смутить?

Сестра Пульхерия воскликнула:

– Нет! Это Бог предупреждает нас. Надо уметь слушать, надо уметь понимать Бога. Это происходит от доброты и милосердия Бога, желающего подготовить нас к несчастной или доброй смерти. Он не может и не хочет Сам предупредить нас, потому что мы недостойны чуда. Но предметы помогают Ему. Он руководит ими. Они являются Его соучастниками, слугами, и во имя Его они говорят с нами...

Сестра Варнавия не казалась убежденной и произнесла:

– Суеверие все же грех!

– Пускай, – отвечала сестра Пульхерия, – но что такое суеверие? Разве страх можно назвать суеверным, когда тринадцать садятся за стол? Наш Спаситель своим примером доказал, что это число приносит смерть... Не нужно ли самим понимать этот признак, когда случай показывает его?

Эти слова не вызвали возражения. Сестра Варнавия не настаивала. Наступило долгое молчанье. Они не заметили, что в комнате стало совсем темно, так как уголья в камине погасли.

Бегинки мало-помалу затихли, охваченные беспокойством, ужасом от этих сверхъестественных соотношений

между предметами, от ощущения тайны и всего невидимого, разлитого кругом, выраженного устами безмолвия.

Одна только сестра Мария попробовала вставить: «Нас было много сегодня. Сколько было всех?» Ни одна не ответила. Однако все подумали об этом; все думали одно и то же в течение долгого времени, с той минуты, когда сестра Пульхерия вызвала в памяти погибель от дурной цифры, предсказание смерти тем, кто находится в числе тринадцати.

Что если за едой их было тринадцать? Может быть, их было тринадцать? Каждая мысленно считала, называла по именам присутствовавших монахинь: сестра Пульхерия, сестра Годелива, сестра Моника, сестра Корнелия, сестра Мария; затем – две послушницы, затем те, которые ушли раньше.

Но число сбивалось: получалось то двенадцать, то четырнадцать, наконец, – тринадцать. Кого они забыли? Кого сочли два раза? Как узнать? Как лукавый демон играл с ними, скрывал истину! Ни одна не осмелилась прервать молчание, громко произнести вопрос, – как ни одна не осмелилась попросить сестру Пульхерию, наконец, зажечь лампу, успокоить их светом.

К счастью, показалась луна, освещающая комнату, удаляя темноту по углам, очищая тюлевые занавески на окнах, казавшиеся дорогами из цветов по прямой линии к луне.

Вдруг сестра Годелива воскликнула: «Взгляните на луну! Какая она странная! Точно голова умершего...» На небе, решительно, в этот вечер были заметны какие-то признаки;

в комнате были разлиты в воздухе предчувствия. Напрасно было столько толковать о зеркалах, похоронах, пауках, о всех вестниках Несчастья...

Отныне бегинки, точно их было тринадцать на самом деле, оставались серьезными, неподвижными, боясь умереть, ничего не говоря, как бы чувствуя невозможность бороться своими голосами с мраком...